

человеком, не понимающим, что государство охвачено тем же диалектическим процессом, как и все живущее, что государство, созданное революцией, и государство, опрокинутое революцией, разделены друг от друга бездной.

Перерождать революционную власть нелепо и ничего из этого не выйдет: *гораздо легче переродиться самим*. Не мудрено, что процесс на образовании сменовеховства не остановился и идет дальше. В одном из следующих №№ журнала уже имеется письмо В. Львова²⁷, возвещающего о своем выходе из числа сотрудников, «так как политические убеждения его значительно левее». И права милюковская газета, когда она, в глубоко-печальной субъективно (а потому объективно глубоко отрадной) своей статье «На повороте» (30 ноября), констатирует, что московские правители «разлагают русскую эмиграцию». Да, и не перестанем разлагать, разложили белогвардейщину (милюковский откол, с которого началась трещина, своего меду каплю тут внес), разложим и «национал-большевизм». Русская зарубежная интеллигенция примирилась с *фактом* русской революции: она должна примириться и с выводом из этого факта — с революционным государством. Базы этому последнему искать не нужно, ибо база у него есть — те, кто свергнул гнет и не хочет его возвращения. И какой бы сложной идеологией ни окутывались мечтания о том, «кабы Волга матушка да вспять побежала», закон тяготения, заставляющий Волгу течь от Твери к Рыбинску, не изменится. А вот «начать жить сначала», пожалуй, можно, если твердо на это решиться...

Разложение продолжается

«Некоторая часть русской эмиграции в течение четырех лет продолжает истерически невразумительно кричать о вреде большевиков, своим назойливым криком успев надоесть и наиболее непримиримым врагам коммунистов в Европе. Выдвигая один за другим проекты словесного избавления России от Московской власти, эти истерические люди не могут импонировать деловой Европе, не любящей шумливой фразеологии...»

Опять эта «Смена вех», — подумает читатель, которому «Смена» начинает уже приедаться. Ничего подобного: мы цитируем «центральный орган» г. Милюкова и К°, газету «Последние новости»

(от 9 декабря т. г., статья «Деловая политика»). Ненависть этой почтенной газеты к большевикам остается во всей свежести, — тотчас после приведенной выписки вы читаете: «Всем доподлинно известно, что ни Ленин, ни Троцкий, ни Бухарин, ни Зиновьев не представляют собой выразителей воли России». Ну, конечно: «Но» (вот то-то и беда, что «но» есть!) «констатирование этого факта недостаточно для того, чтобы на долгое время удержать Европу от сношений с большевиками. Они управляют огромной страной, выход которой из общемирового хозяйственного оборота усиливает экономический кризис в Европе и в Америке. И потому, лишь только большевики предложили свой план вовлечения России в международную хозяйственную жизнь, — как значительные и влиятельные группы финансистов и промышленников всех стран уже готовы завязать сношения с большевиками...»

Да чего там «всех стран»: парой дней раньше «Последние новости» признались, что стоило большевикам «предложить свой план», как обнаружилось сильное слюнотечение и среди самих русских буржуев, сбежавших за границу. Но это место опять стоит привести целиком. «Разложив часть военной (ген. Слащев!) и гражданской (нео-коммунисты) эмиграции, советская власть приступает к осуществлению крупного плана: разложить русских промышленников, проживающих за границей. После военных и интеллигентских братальщиков, московским властям нужно обзавестись, и промышленными братальщиками, Слащевыми от индустрии» («Последние новости», от 7 декабря, передовая — «Игра на психологию»). И описав, при помощи каких коварных приемов удастся большевикам воздействовать на невинные души бывших российских банкиров и фабрикантов, милюковская газета вздыхает: «Что такое воздействие может принести плоды, — не приходится сомневаться».

Самого «коварного плана», вызвавшего такую суматоху в кадетских рядах, мы излагать не будем: в сжатой форме он был у нас опубликован в «Экономической жизни», и сводится к предоставлению, якобы Германии, монополии на русском рынке, с исключением конкуренции как русской туземной промышленности, так и промышленности всех других стран, кроме Германии. Во французском происхождении проекта едва ли есть возможность сомневаться, — ибо крайне мало правдоподобно, чтобы англичане согласились пожертвовать навсегда русским покупателем ради того, чтобы дать Германии возможность уплатить свой долг французам. Нам важен сейчас не этот план, наполняющий своими отзвуками «Последние новости» на протяжении ряда декабрьских номеров: важно то, что, в перепуге от «плана» (быть

может, и фантастического), начала выбалтывать левокадетская газета. Приведенные выписки — еще не верх откровенности; наиболее «чистосердечные признания» мы находим в номере от 2 декабря, где констатируется, что «все социальные группы России потеряли свое влияние, свою силу, иные — прекратили свое существование в эпоху революции».

Фраза эта является заключением длинной панихиды по общественным классам и группам дореволюционной России. Всей панихиды приводить не стоит, — мы и без «Последних новостей» знаем, что помещики и тесно с ними связанная старая торгово-промышленная (больше торговая, чем промышленная) буржуазия ушли навсегда. В виде утешения кадеты зачисляются в покойники и российский пролетариат, который «разгромлен, — и окончательно». Кем именно разгромлен из победоносных вождей белого воинства — Колчаком, Деникиным или Врангелем, — газета, к сожалению, не объясняет. Почему после этого разгрома деловые иностранцы находят выгодным и уместным вступить в сношения именно с коммунистической партией, представляющей, в первую голову, этот самый «разгромленный» пролетариат, и не обращают никакого внимания на эсеров, силящихся представлять тот именно класс, который «один лишь выиграл», крестьянство, — этим вопросом милюковские кадеты также не задаются. Но все это не так важно, — по части пролетариата кадеты специалистами никогда не были; по части интеллигенции они ими были, и кто верит не в спасение отдельных экземпляров этой разновидности (факт вполне возможный и очень желательный), а в возрождение всей этой группы, тому полезно прочесть характеристику интеллигенции, даваемую «Последними новостями»: «Погибла и старая интеллигенция, представлявшая собою внеклассовую группировку без определенной социальной базы... Каждая эпоха имеет свою интеллигенцию и не приходится сомневаться, что будущая Россия создаст свою интеллигенцию, далекую от умершей и далеко отличную от той, которая создана была большевистским периодом русской истории».

А так как «большевистский период», как видно из ранее приведенных выписок, по мнению самих «Последних новостей», далеко не кончился, то появления «новой» интеллигенции придется еще подождать, — утешаясь тем, что и «большевистский период», сиречь Советская Россия, свою интеллигенцию все же «создал». Это — существенное подкрепление соответствующего утверждения «Смены вех» (журнала № 4). Тех все-таки можно заподозрить в слабости к советской власти, — а уж милюковская компания вне подозрения на этот счет: и если она подтверждает, что свой тип интеллигенции

мы «создали», приходится этому верить. Зря такой чести милюковцы нам не припишут.

Создатели новой интеллигенции, «управляющие огромной страной», без которой не может обойтись ни Европа, ни Америка, «разлагающие» не только каких-то зарубежных журналистов, не только современных Пожарских (всегда был слаб покойный князь), но добирающихся и до крепкого Минина¹, большевики совсем готовы стать для бедных «левых» кадетов той кошкой, сильнее которой зверя нет. Одно утешение: «лишенное военно-технического руководства (не обиделся ли гражданин Савинков?) и материальных средств (бывают же неблагодарные люди, скажет, почесав в затылке, Пилсудский), повстанческое движение не утихает, обессиливая до крайности советскую власть и угрожая самому существованию ее. В этом кипящем крестьянском море утонет коммунизм, — и день этот, быть может, не столь далек».

Увы! Тут приходят кадеты «правые» и разрушают последние надежды. «За последнее время известия о ходе восстания (имеется ввиду набег петлюровцев на Волынь и Подолию) стали все скуднее», — пишет «Руль» № от 11 декабря, передовая «Украинский вопрос»²), «и есть, к сожалению, основания предполагать, что ни о каких решительных и серьезных успехах в деле свержения большевизма на юге России пока говорить нельзя». «Последние новости» кто-то поймал на удочку, рассказав им (а они имели наивность рассказать своим читателям), будто Антонов³ теперь (это в декабре-то 1921 г.!) для советского правительства чуть ли не страшнее Врангеля. Но тут выступает на сцену тяжелая артиллерия «правых», — и от «левых» иллюзий остается только мокрое место. «Местное восстание подавляется без труда», резюмирует положение проф. Тимашев⁴ («Руль», № 321, от 7 декабря⁵). «На подавление нескольких одновременных выступлений сил быть может не хватило бы, но подготовка согласованных действий почти немислима. Опыт последних лет наглядно продемонстрировал эти положения. Поэтому, хотя все недовольны, но никто не хочет начинать».

Проф. Тимашевым однако же, стоит заняться подробнее. Мы у него находим откровенности, в устах *правого* кадета еще более поразительные, чем то, что мы нашли у «левых». «Последние новости», мы видели, в сущности признали, что «большевики — это есть подлинное российское правительство с которым фактически считается весь мир и которых вчерашние союзники белых не сегодня — завтра признают формально». «При таких условиях истерические крики и безответственные планы доморощенных политиков производят впечатление сугубой пошлости, которая может только повредить серьезной борьбе

против большевиков» («Последние новости» от 9 дек., «Деловая политика»). Нужны «практические действия», каковые, по мнению газеты, уже и начались с того момента, как «объединенные в торгово-промышленный съезд представители русских финансов и промышленности» «обратились к державам с предложением гарантировать своим имуществом уплату государственных долгов России». К сожалению, «имущество»-то находится в России, т. е. в руках «большевиков», и Чичерин может предложить его в качестве залога, буде понадобится, с большим успехом, нежели «финансисты и промышленники», заседающие в Париже. Почему «Последние новости» совершенно правильно и заключают, что никакие заявления «в общем порядке деклараций» своего действия возыметь не могут. И советуют Минину окончательно развязать мошну, показав, что в ней имеется. Момента этого можно ожидать не без любопытства, — ибо тогда откроется не одна Главрезина. Но этот момент в будущем. А вот как это в прошлом-то случилось, что «бандиты, шпионы» и проч. и проч. оказались подлинным российским правительством? На это милюковская группа пока ответа не дала — и неудачный первый том «Истории русской революции»⁶ ее лидера даже как будто запирает ей дорогу к такому ответу. А тем временем правый антимиллюковец, проф. Тимашев, этот вопрос ставит и отвечает на него, хотя, как увидим, теоретически не вполне правильно, но зато вполне вразумительно. В этом огромный интерес его статьи «Прогноз русской болезни» («Руль» 7 и 8 декабря с. г.⁷).

Прежде всего, Тимашев решительно рассчитывается с легендой о «кучке насильников». «Когда большевики усаживались на своей позиции, то, вопреки всем фразам, расточавшимся в интеллигентских кружках, за новой властью действительно шли народные массы. — Не потому, конечно, чтобы они прониклись коммунистическими идеалами, — эти идеалы всегда были и будут чужды основной массе русского народа, крестьянству, — а потому, что большевики сумели заставить уверовать в то, что они в мгновение ока осуществят лозунг: «Мир, хлеб и земля».

Когда этот лозунг, благодаря стараниям друзей проф. Тимашева (напрасно он скромничает, отводя активную роль одним большевикам), не осуществился немедленно, в «слои народа» «стало быстро проникать разочарование». Какие слои, — это мы сейчас же и узнаем, ибо проф. Тимашев тут же признает, что и после «разочарования» «настроенными в пользу большевиков» оказались, «с одной стороны, фабрично-заводские рабочие, а с другой стороны — те, кого сами большевики называли «деревенской беднотой». А так как ни на какие другие классы мы и не претендовали опираться в 1918 г. (о нем идет

речь), то «социальный базис большевистского властвования» оказывается в полном порядке и после «разочарования». И проф. Тимашеву приходится дополнительно разлагать этот «базис» в последующие годы, вне всякой связи с «разочарованием». Этот эсеровский мотив он ввел совсем зря: в самом деле, ведь, не кулаки же и саботировавшая интеллигенция были «очарованы» советской властью в первые месяцы? «Массы», как были, так и остались: междуусобная война спаяла их с «большевиками» только еще прочнее. И тут опять друзья проф. Тимашева постарались, спасибо им.

Но разложился базис в 1918 г. или позже, зашло ли разложение так далеко, чтобы большевизм мог считаться накануне падения? Проф. Тимашев и на это дает ответ, не оставляющий ничего желать по своей вразумительности. «В общем и целом можно думать, что со своей активной стороны большевистское властвование так же сильно, как было в момент своего возникновения. Процесс дряхления, падение воли властвовать, который был так характерен для последних лет царского режима, этот процесс для большевистской власти, по-видимому, еще не начался».

Из дальнейшего мы узнаем, что и с «пассивной» стороны дело обстоит для большевизма весьма благополучно: «В стране, пока что, не образуется достаточно мощных центров, которые могли бы с успехом приняться за дело борьбы против власти». По этому именно случаю проф. Тимашев и разбивает безжалостно мечтания милюковцев о крестьянском море, имеющем потопить советскую власть. И так как объяснение, которое дало проф. Тимашеву подход к возникновению советской власти, — объяснение, от сочувствия народных масс, — для настоящего момента не годится: если бы проф. Тимашев его допустил, он был бы не правым кадетом, а сменовеховцем и «неокоммунистом», — то профессору приходится строить довольно сложную и не лишенную оригинальности социологическую теорию, чем заполнена вся вторая половина его большой статьи.

Суть этой теории, развиваемой с истинно-профессорской обстоятельностью, сводится к тому, что провиденциальным назначением большевизма было возрождение в России натурального хозяйства. Этому натуральному хозяйству «адекватно» нечто вроде патриархального деспотизма, — вот вам и объяснение приемов «большевистского властвования». Натуральное хозяйство не может прокормить того населения, какое существовало в России при капитализме, — отсюда голод и вымирание «избыточного населения». Покуда этот процесс не закончился, большевики будут сидеть, ибо «они еще не закончили своей исторической роли».

Кое-что в этой теории могло бы быть верно года полтора тому назад. Теперь она производит впечатление чего-то ископаемого. И новая политика коммунизма — политика, направленная именно к ликвидации начавшего возрождаться в деревне докапиталистического хозяйства, не находит себе у проф. Тимашева уже никакого объяснения. Но теория всегда приходит много позже практики. Проф. Тимашеву понадобилось четыре года, чтобы понять Октябрьскую революцию. Быть может, годика через два он начнет понимать и наш «новый курс»... «Последние новости» лучше схватили суть этого курса, зато они отстали в своем историческом понимании.

В одном и правые, и левые кадеты сходятся, и этой точки их схождения нельзя не отметить елико возможно четко: Октябрьская революция не была случайностью, последствия которой можно устранить теми или иными махинациями. То был могучий сдвиг народной массы, навеки разрушившей старое и выдвинувшей нечто абсолютно новое в лице «большевизма». В этом огромный новый шаг, сделанный тугой мыслью российской буржуазии. Милюков и его группа уже довольно давно признали объективные результаты революции без большевизма. Проф. Устрялов правильно указывал им на совершенную непоследовательность *такого* признания («Смена вех», № 4⁸). Большевиков труднее выкинуть из революции, чем слово из песни. Правые кадеты опередили теперь «левое крыло», признав, что революция и большевизм «едино суть». Это очень резонно теоретически, но практически это равносильно признанию, что ничто, кроме голого классового интереса, не стоит поперек дороги подчинению советской власти любого русского гражданина, где бы он ни находился. И истина эта столь неотразима, что перед нею, кажется, начинают сдаваться даже «финансисты и промышленники». А уж это ли не цитадель?

